

Ситников Максим Сергеевич

Sitnikov Maxim Sergeevich

Волгоградский институт управления, филиал

РАНХиГС при Президенте РФ

40.04.01 «Юриспруденция», 1 курс, группа МЮ-102

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

**THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE CONTRACT LAW OF
RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES**

Вопрос, связанный с теоретическим и практическим существованием принципа добросовестности, был и остается на сегодняшний день одним из самых актуальных в гражданском и предпринимательском праве. Это обуславливается особой значимостью принципа добросовестности. Особенно ярко это проявляется при регулировании договорных отношений. В рамках настоящей работы приводится сравнительный анализ функционирования добросовестности в договорном праве России, Франции, Германии и Англии. На основе полученного материала делается попытка определить дальнейший путь развития принципа добросовестности в российском правовом порядке.

Ключевые слова: принцип добросовестности, договорное право, сравнительное правоведение, объективная и субъективная добросовестность, судебское усмотрение.

The issue related to the theoretical and practical existence of the principle of good faith has been and remains today one of the most relevant in civil and business law. This is due to the special significance of the principle of good faith.

This is especially evident in the regulation of contractual relations. This paper presents a comparative analysis of the functioning of good faith in the contract law of Russia, France, Germany and England. On the basis of the received material, an attempt is made to determine the further path of development of the principle of good faith in the Russian legal order.

Keywords: principle of good faith, contract law, comparative jurisprudence, objective and subjective good faith, judicial discretion.

Во многих странах европейского права, в том числе во Франции и Германии, большое внимание уделяется вопросу о совершенствовании договорного права. В рамках европейского сообщества ежегодно разрабатываются инновационные подходы по решению многих современных проблем договорного права. Особое внимание уделяется оцифровке договорного права [1, с. 218-219]. По мнению автора настоящей работы, экономическое развитие страны во многом зависит от регулирования договорного права. Наиболее полное и, в то же время, свободное регулирование договорных отношений является одним из столпов развития экономики. В связи с этим, целесообразно было бы обратиться к одному из главных принципов договорного права – а именно, добросовестности.

При исследовании какой-либо категории следует, в первую очередь, обратить внимание на её определение. Сущность добросовестности включает в себя не только аспекты права, но и философии, морали и нравственности. Несмотря на эту сложность в понимании, на протяжении последних 10 лет в доктрине российского частного права общепризнанным является подход к определению добросовестности, выдвинутый И.Б. Новицким. По мнению дореволюционного правоведа, добросовестность сама по себе имеет двойственную природу. Добросовестность следует рассматривать как объективную (ожидаемое поведение лица) и субъективную (извинительное незнание о значимых обстоятельствах) [2, с. 128-135].

Добросовестность является универсальным европейским принципом регулирования частноправовых отношений. К числу таких отношений следует относить, в том числе, договорное право. Легальное закрепление добросовестности имеется во многих европейских правовых порядках (ст. 1134 Французского гражданского кодекса (далее ФГК), § 242 Германского гражданского уложения (далее ГГУ) и др.). В Гражданском кодексе России (далее ГК РФ) принцип добросовестности находит своё отражение во многих нормах, первой из которых является п. 3 ст. 1 данного акта.

В доктрине обычно отмечается, что субъективная добросовестность в большей степени характерна для концепции добросовестного приобретения вещи через формулировку «лицо при приобретении вещи не знало и не могло о каких-либо пороках такого приобретения». Поэтому наиболее часто добросовестность встречается в качестве объективной добросовестности [3, с. 158-159]. Действительно, с этим положением стоит согласиться. Объективная добросовестность является наиболее распространенной формой добросовестности в договорном праве. Однако стоит учитывать, что субъективная добросовестность также имеет место в договорном праве. Например, это возможно в концепции ответственности за ложность заверений об обстоятельствах. Согласно п. 4 ст. 431.2 ГК РФ ответственность за ложность предоставленных заверений возлагается на лицо в независимости от того, знало или должно было знать лицо о ложности предоставленных заверений. Иное может быть предусмотрено договором. Следовательно, за счёт совместного применения положений о свободе договора и добросовестности, можно говорить о том, что в некоторых случаях возможно существование субъективной добросовестности, вытекающей из договора.

Стоит сказать, что в английском договорном праве доктрина добросовестности не нашла своего полноценного закрепления и применения. Однако не даёт основания полагать, что в Англии отсутствуют какие-либо механизмы для ограничения злоупотребления правом. Вместо концепции

добросовестности и честности английское право использует справедливость [4, с. 314-316]. Право справедливости является одним из элементов английской правовой системы, за счёт применения которого возможно обеспечить стабильное функционирование контрактного права. Так как право справедливости используется судами, то целесообразно говорить о судебском усмотрении. Обычно при определении данного явления упоминают об израильском специалисте А. Бараке. Он указал, что судебское усмотрение следует рассматривать как полномочие суда по выбору того или иного пути разрешения спора, при котором каждый из путей является законным [5, с. 13]. Преимущественно к английской правовой системе при реализации права справедливости правильно говорить о судебном правотворчестве, поскольку окончательное решение суда пойдёт в основу как источник для дальнейших судебных разбирательств.

Судейское усмотрение является небезызвестным феноменом не только для стран англосаксонского права, но и для ряда стран континентального права. Особенно эффективно судебское усмотрение применяется в немецком гражданском праве. Основой реализации судебского усмотрения следует считать упомянутую выше норму ГГУ (§ 242 ГГУ). Данная норма закрепляет положения о том, что должник в обязательстве должен действовать добросовестно, сообразуясь с обычаями гражданского оборота. Анализ судебной практики Федерального Верховного суда Германии показывает, что § 242 ГГУ широко используется в судебной практике. Благодаря использованию концепции добросовестности (*Treu und Glauben*) судьи могут дополнять или изменять нормы права, а также положения самих договоров [6, с. 36-37]. В немецком гражданском праве, в том числе договорном праве, судебское усмотрение является главным двигателем развития всего права.

Французский правопорядок более сдержано относится к судебскому усмотрению при разрешении споров, вытекающих из договорных правоотношений. Это обуславливается историческими и политическими причинами. Однако в последнее время судебское усмотрение во Франции

облекается в новую форму, что позволяет его частично использовать [7, с. 338-339]. Можно предположить, что применение судебного усмотрения во Франции не нужно, поскольку нормы ФГК, регулирующие договорные отношения, являются во многом эталоном для всего европейского права.

Российское договорное право по европейским стандартам сформировалось не столь давно. Только с принятием части первой ГК РФ появились первые упоминания о свободе договора как основном принципе договорного права. Затем была принята вторая часть ГК РФ, посвященная регулированию специальных договорных конструкций. За этот период времени в области договорного права были воплощены многие его преобразования (переговоры о заключении договора, заверения об обстоятельствах, эстоппель, астрент и др.). Все эти реформации были в том или ином виде заимствованы из развитых стран континентального и английского права. В этих странах многие воспринятые феномены были рождены судебной практикой за счёт судебного усмотрения, где, как указывалось ранее, ключевая роль отводится добросовестности.

Российский правопорядок находится на стадии своего первичного формирования по отношению к судебному усмотрению. Весомый вклад в развитие судебного усмотрения был внесен деятельностью Высшего Арбитражного Суда РФ. Например, в практике Высшего Арбитражного Суда РФ были сформулированы первые проблески недобросовестного завышенной неустойки, что затем нашло своё легальное отражение в тексте ст. 333 ГК РФ.

Один из наиболее актуальных путей развития судебного усмотрения в России заключается в развитии судебной практики для целей её единообразия, в частности, по вопросам принципа добросовестности. При этом особо отмечается, что практика принципа добросовестности будет распространяться не только на договорное право, а в целом на гражданское право [8, с. 58]. Идея о распространении судебного усмотрения на всё гражданское право выглядит интересной, однако её подробное исследование

выйдет за рамки заявленной темы. Как представляется, главной проблемой принципа добросовестности в России является её чрезмерная абстрактность. Применение такой абстрактной добросовестности может привести к негативным последствиям [9, с. 33].

Таким образом, в тексте закона необходимо обозначить некие ориентиры для определения добросовестного или недобросовестного поведения. На сегодняшний день в судебной практике частично (подчеркивается, частично) и хаотично сформированы некоторые положения об определении добросовестности. Для достижения обозначенной цели требуется совместно с представителями науки гражданского права проанализировать судебную практику Высшего Арбитражного Суда РФ, а также Верховного суда РФ по вопросу о применении принципа добросовестности. На основе этого можно сформулировать единое понимание принципа добросовестности.

Список использованной литературы

1. Schulze R. Characteristics of modern European contract law // Правоведение. 2020. Т. 64, № 2. С. 201–221.
2. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Научный журнал. - М.: ООО "Издат. дом В. Ема", 2006, № 1: Т. 6. - С. 124-181.
3. Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157 - 187.
4. Halberda J. The principle of good faith and fair dealing in English contract law // Правоведение. 2020. Т. 64, № 3. С. 312–325.
5. Аарон Барак. Судейское усмотрение. Перевод с английского. – М.: Издательство НОРМА, 1999. – 376 с.
6. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – Москва : Статут, 2019 – 278 с.

7. Ситников М.С. К вопросу о судебском усмотрении в России и зарубежных странах / М. С. Ситников // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 337-345.

8. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства : Промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 2017. – 432 с.

9. Судейское усмотрение: сборник статей / Московское отделение АЮР; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. — М.: Юстицинформ, 2020 — 176 с.

Работа подготовлена при помощи системы КонсультантПлюс